A decorative border on the left side of the page, composed of dark grey, stylized leaf shapes with white vein patterns, extending from the top to the bottom.

ВЕЛИКИЕ ДЕВЫ

Поцелуй Зимы

НАДЯ ХЕДВИГ

ПОЦЕЛУЙ
ЗИМЫ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х35

Иллюстрация на переплете *Кармы Виртанен*
Дизайн обложки *Кати Петровой*
Книга создана при содействии бюро «Литагенты существуют»
и литературного агента *Екатерины Тихоновой*

Хедвиг, Надя.

Х35 Поцелуй Зимы / Надя Хедвиг. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-191046-4

Вера ненавидит свой дар оживлять фантазии. Когда-то она оживила парня, а тот на ее глазах убил ее друга. Теперь все, чего хочет Вера — забыть о случившемся и жить нормальной жизнью.

Но у судьбы другие планы: однажды ночью к ней заявляется зловещая старуха и насильно передает свой дар. Оказывается, это одна из четырех Великих Дев — древняя Зима, а дар, который она передала Вере — способность холодом останавливать человеческое сердце.

Чтобы избавиться от страшного подарка, Вера должна выяснить, кто убил ее предшественницу и кто на самом деле стоит за смертью ее друга. А самое главное — почему Зимняя Дева выбрала ее? Уж не потому ли, что настоящее чудовище — она сама?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хедвиг Н., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-191046-4

Огромная благодарность Ане и Лин.
Без вас этой книги бы не было.

ПРОЛОГ

Антон

Незадолго до того, как все случилось, Хельга звала меня к себе. Весенняя Дева уже отстрелялась, и правила Летняя — Юля. На улице было жарко, как в Преисподней.

Обычно Хельга пережидала лето у себя в Сокольниках, заказывала вентилятор помощнее и на три месяца превращалась в добропорядочную пенсионерку. Однажды я спросил, может ли она растаять. Хельга рассмеялась и посоветовала мне читать поменьше сказок.

Вентилятор я установил ей еще весной, продукты заказывал раз в неделю, так что понятия не имел, зачем она позвонила. Я приехал ровно в десять, как условились. Хельга не терпела опозданий.

Она открыла дверь, внимательно осмотрела коридор и отступила внутрь квартиры.

— Заходи.

На всякий случай я тоже оглянулся, но ничего странного не заметил. Хвостов не было — их я быстро определял еще с армии.

— Приветствую.

Я вошел. Коридор выглядел как обычно: деревянные стеллажи по углам, плетеная дорожка. Пахло пылью и деревом. Непохоже было, что Хельге что-то угрожало.

— Что случилось?

— Что ты с порога... Проходи.

Держась за стену, Хельга прошлепала на кухню. Волосы ее побелели, сама она стала словно ниже ростом, сторбилась. Неудивительно, что летом она не показывалась людям.

— Сделай чайку, — велела она, а сама села за стол, вытянув ноги в тапочках.

Иногда она напоминала мне школьную учительницу: на затылке торчал жидкий седой пучок, тщедушное тело утопало в голубом свитере с люрексом, строгая черная юбка прикрывала острые колени. Только глаза оставались внимательными и зоркими, как у коршуна.

Я вскипятил воду и заварил чай. Поставил две белых чашки без рисунка на выскобленный стол.

— Я сяду?

— Уж будь добр.

Я сел так, чтобы видеть приоткрытую дверь кухни. Проверил кобуру на поясе. Хельга криво усмехнулась и отхлебнула чай.

— Крепкий... Хорошо.

Я ждал. Она выпила полчашки и сказала:

— Скоро настанет час, Антоша. За мной придут. Не сейчас. Еще есть время. — Она замерла, как будто прислушивалась. — Есть время.

Я положил руки на стол.

— Я останусь.

— А ни к чему. Так уготовано. Судьба... Тебе надо будет постараться после.

— Я смогу тебя защитить.

Она покачала головой.

— Я и сама могу себя защитить. Но никто не избежит судьбы. Мне давно уже пора. Достаточно душ я намучила.

Я оглядел кухню. Два окна, одно приоткрыто — можно пробраться. Третий этаж — вполне. Дверь хлипкая, замок никуда не годится. Поменяем. Если я переберусь сюда, уж как-нибудь...

— Кто нападет? — спросил я. — Когда?

Хельга сверкнула глазами из-под седых ресниц.

— Ты не слушаешь! — рассердилась она.

Я выдержал ее взгляд.

— Ты человек. — Хельга крепко сжала мне запястье сухими пальцами, и я почувствовал, как лед прошил мышцы аж до самой кости. — И спорить со мной брось. Слушай до конца и делай, что сказано. Затем ты и служишь.

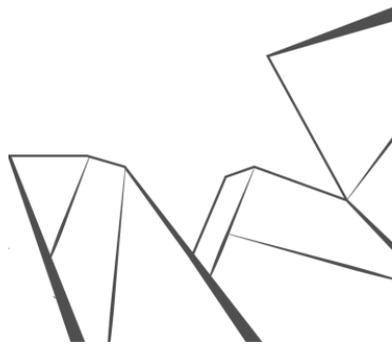
Руку хотелось вырвать до чертиков, но я знал, что будет только хуже. Сделал два вдоха и на третий произнес:

— Так точно.

— Так-то. — Она кивнула, будто сама себе, и отпустила меня. — Седьмого июля этого года в девять тридцать две. Будь под землей. Где надпись «Пролетарская». Найди ту, у которой волосы светлые и влажные, и страх сковал сердце. Спаси ее, даже ценой чужих жизней. Она и будет мне заменой.

Мокрые волосы и страх в сердце? Это как искать иголку в стоге сена. Но деваться мне было некуда. Если Хельги не станет, некому будет замораживать мое сердце.

— Во что она будет одета? — наконец спросил я.

ГЛАВА 1

Вера

Наум раздраженно ворчал на кухне.

Вообще-то я не знала, как его зовут — Принц, Васька или просто Кот, — но решила, что так, с именем, мне будет проще с ним подружиться. Кот был старый, неповоротливый и вместо мяуканья выдавал что-то похожее на «умм». Морда его вечно выражала недовольство, усы раздраженно подрагивали всякий раз, когда я звала его, а вид был такой, словно это не он у меня, а я у него живу. В каком-то смысле так оно и было: крошечную однушку в Текстильщиках мне сдали с наказом «позаботиться о старом котике» и похоронить во дворе, когда придет время.

Последний месяц Наум был единственным живым существом, которое составляло мне компанию, если не считать доставщиков пиццы и краснощекой кассирши из «Пятерочки». Целыми днями я строчила в тетрадь с серыми листами, найденную тут же, на антресолях. Писала все, что помнила из прежней жизни — точнее, то, что случилось три года назад.

Редкие вылазки за продуктами и мелочами вроде порошка и прокладок чередовались с ночными кошмарами и попытками снова заснуть среди шорохов старой квартиры. Но я не жаловалась. То, что я вообще прожила этот месяц, не растворившись в воздухе и не покончив с собой, уже было неоспоримой победой.

Надо было двигаться дальше. Так что сегодня я приняла два важных решения. Во-первых, никаких больше выдуманных денег: обидно будет разменять остатки души на воображаемые бумажки. Во-вторых, пора было возвращаться к нормальной жизни.

Три года назад я пропала из мира, едва успев окончить школу. Выпускной класс запомнился мне страшилками учителей о том, как тяжело сдать ЕГЭ, и периодическими препинаниями с мамой на тему выбора профессии. Мама верила, что любого человека может прокормить бухгалтерия. Я считала, что бухучет совместим со мной так же, как лохмотья бездомного с фарфоровой вазой.

«Уммм!»

— Ну что опять?

Уже двадцать минут я пыталась открыть файл с ЕГЭ по истории за прошлый год. Не знаю, в каком году появились компьютеры, но тот, что стоял передо мной, явно относился к первой сотне. Стационарный блок занимал почти все место под столом. Монитор напоминал большую белую коробку и постоянно мигал.

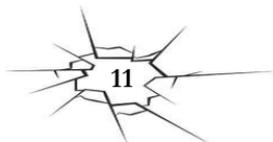
Можно, конечно, просто вообразить себе школьный аттестат и результаты экзаменов...

— Наум?

Я закрыла программу и прислушалась. На кухне было подозрительно тихо. Никто не драл остатки обоев, не мял лапой случайно упавший пакетик и не разбрасывал по полу наполнитель из лотка. А если он умер? Лежит там в луже... Пытаясь избавиться от навязчивой картинки, я перевела взгляд на монитор. На заставке девушки с обрубками на головах, взявшись за руки, водили хоровод.

— Наум!

Я поднялась, чувствуя все затекшие мышцы разом, и пошла на кухню. Коридор освещала единственная ту-

склая лампочка, но я уже настолько привыкла, что могла ориентироваться на ощупь.

Кухня была крошечная, с выдавшим виды линолеумом, явно самодельным столом на одного и кушеткой вместо стульев. Кот сидел на столе и смотрел на меня желтыми глазами. Пол перед ним устилали исписанные листы, сплошь помятые и изодранные.

Вот нахал.

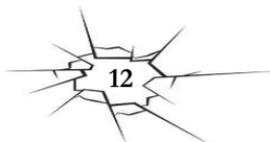
— Хочешь остаться без ужина? — Я начала собирать листы, на автомате отмечая, что тексты о Косте остались целыми.

Кот моргнул. Я одернула домашнее платье — одно из нескольких, что нашлись в шкафу бывшей хозяйки квартиры, — и демонстративно повернулась к нему спиной.

Единственная чистая чашка стояла у плиты, остальные выстроились в ряд у мойки. Хозяйка из меня еще та, конечно. Я включила электрический чайник с жирными отметинами чьих-то пальцев и вдруг ощутила навалившуюся усталость.

Уже месяц я пыталась заглушить воспоминания трехлетней давности и научиться жить в новой реальности. Посоветоваться было не с кем. Звонить подругам со словами «Знаешь, последние три года меня не было в мире» — идея так себе. Да и не было у меня таких подруг.

Чайник вскипел, я залила пакетик и поставила исходящую паром чашку на пяточок свободного от листов стола. Допустим, сдам я ЕГЭ. Два обязательных, русский и математика, плюс один по выбору. Даже проверну аферу с фальшивым аттестатом. Поступлю в институт. Найду подработку. Буду, как все, проводить часть жизни в дороге, часть — на работе и учебе, а в редких перерывах вспоминать, что существует другая реальность — ярче,

красочнее, объемнее. Стоит только представить ее себе... и заплатить за это очередным кусочком души.

Я сделала глоток. Чай горчил. На кухне становилось жарко — сквозь приоткрытое окно просачивался нагретый солнцем воздух. Наум спрыгнул со стола, задрал облезлый рыжий хвост и растянулся на пороге. Я со вздохом подобрала последние раскиданные им листы, выхватив из строчек несколько слов — *Костя, удар, лезвие*. Сердце забилось, как у хомячка в клетке.

Никто больше не погибнет по моей вине.

— Умм!

— Ты голодный, что ли?

Я проверила его миску — на доньшке лежала пара крошек сухого корма. Тут я вспомнила, что сама с утра ничего не ела, и в животе заурчало. Варить макароны или рис не хотелось — наелась за последний месяц.

Я вернулась к компьютеру и по памяти вбила в поисковик название любимой пиццерии. Страница грузилась бесконечно. Вот бы забрать ноутбук у мамы... Но как заявиться к ней после трех лет, я не представляла. Наверняка числюсь пропавшей без вести или что-то вроде того.

Страница загрузилась, и на экране замелькали аппетитные картинки.

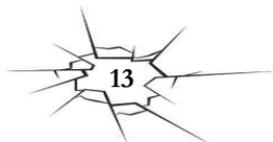
«Умм!»

— Я поделюсь с тобой, ненасытное животное, только замолчи!

«Умм!»

— Ну что такое?

В дверь позвонили — высоко и противно вскрикнула писклявая «птичка». В груди мазнуло дурным предчувствием, но я затолкала его подальше. Это же реальность. Здесь чудовища не прячутся на лестничной клетке.

Я тихо подошла к двери и, приподнявшись на цыпочки, заглянула в глазок. В коридоре стоял высокий и ужасно худой мужчина. Издалека его можно было бы принять за узника концлагеря. Лестер был не похож сам на себя: некогда роскошную шевелюру сменили редкие седые волосы, у глаз залегли глубокие морщины, а помятый льняной костюм, больше похожий на пижаму, балахоном висел на тощем теле. Но это был он.

Секунду помедлив, я открыла.

— Что ты тут делаешь?

— И тебе привет, Вера. — Лестер погладил воздух у моего лица.

Ногти у него были узкие, пальцы походили на птичьи когти. Взгляд не отрывался от точки где-то посередине моего лба. Я вспомнила: в своей реальной ипостаси Лестер был слеп.

За спиной снова мяукнул Наум, вальяжно приблизился к Лестеру и понюхал носки его остроконечных туфель. Интересно, поймет ли животное, что Лестера... как бы это сказать... не существует.

— Откуда ты? — спросила я.

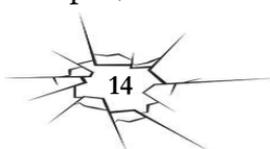
Он пожал угловатыми плечами.

— Оттуда же, откуда и ты. — Голос его был немного сиплый, с вкрадчивыми нотками.

Я отступила вглубь квартиры. Пригласить его? Вряд ли он просто испарится, раз пришел. Лестер никогда не появлялся просто так и никогда не приносил хороших вестей.

Тут дверь квартиры напротив распахнулась, и в коридор вылетела растрепанная конопатая девочка.

— Саня не пойдет гулять! — завопила она. — Он не съел кашу! Я сама видела. Ой!.. — Она с разбега врезалась в Лестера. Я уловила знакомое выражение на его лице — смесь надменности и отвращения.

За девочкой появился такой же растрепанный мальчик. Кроме памперсов и домашних тапочек на нем ничего не было.

— Вс'о она в'от! — пискнул он. — Ой, киса!

Наум, предупредительно мявкнув, юркнул в комнату. Мне захотелось последовать его примеру.

— А вы здесь жив'оте, да? — Ребенок обошел Лестера и просунул голову в коридор. — А киса выйдет?

Мальчик потерял об косяк нечесаной шевелюрой, и памперс с едким запахом почти коснулся моей ноги. Девочка отпихнула брата и попыталась сама заглянуть в коридор.

— Эй, ты че пи'аешься?

— Я старше!

— А я си'нее!

— А я все маме расскажу!

По сравнению с этими детьми Наум был сущим ангелом.

— Дети! — начала я. Кажется, никто так не обращается к детям, кроме учителей из старых советских книг, которые я читала в детстве. — Киса уже старенькая, она не хочет...

— Кис-кис-кис! — засюсюкала девочка и протянула собранные в горсть пальцы.

Да господи, это же не утка. Я заслонила ей проход.

— Киса устала и хочет спать.

— Хочу кису! — Мальчик несильно стукнул по наличнику и выставил ножку на порог.

Я с надеждой взглянула на дверь напротив, обитую дерматином. Вдруг мама все-таки позовет их? Или няня. Или бабушка. Но тишину коридора нарушало только упрямое «кис-кис-кис». Лестер застыл, как мумия, а Наум наверняка уже прорыл ход в Нарнию. Похоже, помощи ждать было неоткуда.

